

Ю.В. Мухометзянова

МОДАЛЬНОСТЬ КАК ДВУКОМПОНЕНТНАЯ КАТЕГОРИЯ

В течение многих лет модальность является объектом пристального внимания лингвистов. Многоаспектность содержательной природы модальности способствовала появлению различных точек зрения относительно семантического объема данной категории. Семантическая зона модальности – одна из самых обширных и разнородных, что делает ее описание особенно трудным. Тем не менее, специалисты выделяют два «центра консолидации» внутри категории модальности. Это, во-первых, *отношение говорящего к ситуации* (или «оценка») и, во-вторых, *статус ситуации по отношению к реальному миру* (или «ирреальность») [5]. Все многообразие модальных значений (даже при самых широких интерпретациях модальности) так или иначе связано по крайней мере с одним из этих двух понятий. Возникновение различных определений языковой модальности во многом обусловлено тем, что разные лингвистические теории считали главным то «оценочный», то «ирреальный» компонент в составе модальности; между тем, отказаться от одного из них в пользу другого (без существенного сужения понятия модальности по сравнению с общепринятым) нельзя – поэтому остается считать модальность двукомпонентной категорией.

Поскольку модальность является одним из основных «эгоцентрических» механизмов естественных языков, представляется естественным наличие значений «оценки» в рамках данной категории. Модальные компоненты позволяют не просто описывать мир «как он есть», а представлять «субъективный» образ мира. Иными словами, модальные компоненты описывают мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего. В предложении, содержащем модальный компонент (в семантических теориях его называют «модальной рамкой» [1: 30–33]), не только сообщаются некоторые сведения о мире, но и выражается отношение говорящего к тому, что он сообщает. Это отношение и называется, обобщенно, «оценкой» (в англоязычной литературе употребляется заимствованный из психологии термин *attitude*, букв. ‘психологическая установка’).

Различается несколько типов оценочных значений – в зависимости от того, какой именно параметр ситуации подвергается оценке. Однако главным оценочным значением, имеющим наиболее интенсивные связи с другими значениями как в сфере модальности, так и за ее пределами, является значение так называемой *эпистемической* оценки [5]. Эпистемическая оценка имеет отношение к сфере истинности; это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего. Оценку вероятности ситуации говорящий может давать в двух разных случаях. Во-первых, можно прогнозировать вероятность некоторой ситуации, о наличии которой в настоящем, прошлом или будущем у говорящего нет достоверных сведений. Говорящий может объявить такую ситуацию маловероятной ('вряд ли'), возможной ('может быть'), высоковероятной ('скорее всего'). Это самые распространенные показатели эпистемической модальности (гипотезы). Второй тип эпистемической оценки – это тот, который говорящий дает *post factum*, т.е. по отношению к ситуации, истинность которой ему достоверно известна. В этом случае говорящий сообщает о том, совпадает или нет наступление ситуации с той эпистемической гипотезой, которая у него имела раньше, соответствует ли наступление ситуации его ожиданиям по этому

поводу. Как и показатели «эпистемической гипотезы», показатели «эпистемического ожидания» могут квалифицировать ситуацию как маловероятную, возможную или высоковероятную. Наиболее часто встречаются показатели низкой вероятности («неожиданности»), что прагматически естественно: говорящие, скорее, склонны эксплицитно выражать случаи нарушенных, чем случаи подтвердившихся ожиданий.

Значения ирреальной модальности описывают ситуации, которые не имеют, не могут или не должны иметь места в реальном мире. Модальные показатели этого типа описывают некоторый «альтернативный мир», существующий в сознании говорящего в момент высказывания. Это, безусловно, одно из самых важных в когнитивном и коммуникативном отношении значений.

Со времен Аристотеля одним из основных модальных значений принято считать значение *возможности*. Данное значение описывает ирреальную ситуацию: в естественном языке высказывание типа *X может P* предполагает, что *P* не имеет места. С лингвистической точки зрения *возможность* является неоднородным понятием. Прежде всего, следует различать *внутреннюю* и *внешнюю возможность*. Первая возникает в силу внутренних свойств субъекта, вторая является следствием внешних обстоятельств, не зависящих от самого субъекта. Так, способность, умение, физическая возможность являются внутренними возможностями, они характеризуют их обладателя наряду с другими его отличительными свойствами: *Он может двадцать пять раз подтянуться на перекладине*. Напротив, внешняя возможность является прежде всего отсутствием препятствий для реализации *P* (разрешением некоторого лица А лицу В совершить действие *P*, т. е. обещанием не создавать препятствий для *P*, создать которые во власти А): *вы можете сесть* (= я разрешаю).

Особой разновидностью ирреальной модальности является *обусловленная* (или *имплицитивная*) модальность, которая также описывает *возможность*, но лишь такую, реализация которой зависит от определенного фактора: *Если завтра будет хорошая погода, то мы поедem за город*. В условных конструкциях различаются две части: *посылка*, в которой вводится фактор реализации, и *импликация*, в которой содержится описание возможной ситуации.

Принято различать три вида условных конструкций: *реальные* (реализация посылки высоковероятна), *нереальные* (реализация посылки маловероятна) и *контрафактические* (посылка невозможна в реальном мире). Очевидно, что данная классификация производится на базе значений эпистемической модальности, дополнительно выражаемых в составе условных конструкций. В русском языке реальное условие противопоставляется всем видам ирреального, тогда как в германских языках (в частности, в английском) обычно грамматически противопоставляются все три условных конструкции:

(1) Реальное условие:

- a) *Если будет хорошая погода, то мы поедem за город* [хорошая погода возможна].
- b) *If the weather is fine, we'll go to the country.*

(2) Нереальное условие:

- a) *Если бы <завтра> была хорошая погода, то мы бы поехали за город* [хорошая погода маловероятна].
- б) *If the weather were fine, we would go to the country.*

(3) Контрафактическое условие:

- a) *Если бы <вчера> была хорошая погода, то мы бы поехали за город* [в действительности хорошей погоды не было].
 b) *If the weather had been fine, we would have gone go to the country.*

Обратим внимание на использование различных аспектуальных и таксисных форм в (2)–(3) для передачи эпистемической невозможности и на использование форм презенса и претерита в (1)–(2) для описания события, возможного в будущем. Английские конструкции с *would* являются специализированными средствами выражения обусловленной возможности (т.е. имплицативной модальности).

Важным отличием значений оценочной модальности от значений ирреальной модальности является то, что *оценка* всегда производится говорящим, в то время как *возможность* характеризует субъекта ситуации *P*. Это особенно хорошо заметно в тех случаях, когда в языке для выражения оценочной и ирреальной модальности используются одни и те же средства, в результате чего одно и то же высказывание может быть истолковано по-разному. Например, два разных понимания предложения *Петя может плавать* – как выражающее внутреннюю (=Петя умеет плавать) или внешнюю (=Петя получил разрешение) возможность, с одной стороны, и как выражающее эпистемическую возможность, с другой (=Отсутствие Пети на берегу, по всей вероятности, означает, что Петя плавает). Если при «ирреальном» понимании возможность плавать объявляется свойством Пети или окружающих Петю обстоятельств (а само плавание – в момент речи не имеющим места), то при «оценочном» понимании ситуация *Петя плавает* предполагается имеющей место, а возможность оказывается ее возможностью с точки зрения говорящего (= я считаю вероятным, что сейчас Петя плавает).

Следует обратить внимание на различные функции показателя настоящего времени. При «ирреальной» интерпретации он указывает на то, что в момент речи возможность (как свойство Пети) имеет место, а при оценочной интерпретации показатель времени соотносится не с моментом существования эпистемической возможности (которая всегда привязана к акту речи), а с моментом существования *P*, т.е. плавания. Так, высказывание *Петя мог плавать* при эпистемическом понимании выражает оценку (по-прежнему, в момент речи) плавания, имевшего место в прошлом. В этом случае модальный глагол как бы принимает на себя временную характеристику подчиненного ему предиката. Это не универсальное (хотя и частое) свойство модальных глаголов. Иная грамматическая техника присутствует в соответствующих английских конструкциях *may swim* «может плавать» и *may have swum* «мог плавать».

В силу указанных свойств оценочную модальность часто определяют как «субъективную», а ирреальную модальность – как «объективную». Некоторые исследователи говорят об «эпистемической» и «деонтической» модальности, что, по мнению В.А. Плунгяна, несколько сужает объем обоих понятий, поскольку оценка, может быть не только эпистемической, а термин «деонтический» обычно применяется к необходимости, но не к возможности [5].

С лингвистической точки зрения, важными оказываются возможные точки соприкосновения между двумя сферами модальности. Связь оценочной и ирреальной модальности может быть двоякого рода. С одной стороны, диахронически грамматические показатели модальности в языках мира обычно эволюционируют от менее грамматикализованной ирреальной модальности к более грамматикали-

зованной оценочной (прежде всего, эпистемической), а внутри зоны ирреальной модальности – от выражения внутренней модальности к выражению внешней. Почти универсальной является полисемия модальных предикатов, сочетающих в языках мира ирреальное и эпистемическое значение [5].

Распространенность подобной полисемии способствовала распространению попыток построить инвариантное семантическое описание для предикатов возможности, из которого выводились бы как эпистемическая, так и ирреальная интерпретации. Такое описание предлагалось, в частности, в [3; 6] и др. Несмотря на то, что подобные интерпретации вполне логичны (очевидно, что эпистемическое и ирреальное значения во многих языках сохраняют существенную общую часть), раздельное рассмотрение этих значений предпочтительнее. В то же время существует такая семантическая зона, в которой значения оценки и ирреальности объединяются. Это – семантическая зона *желания*, которое, таким образом, является в некотором смысле центральным модальным значением, поскольку содержит все основные компоненты модальности. Действительно, если *X хочет P*, то это означает, что, во-первых, *P* не принадлежит реальному миру (человек может хотеть только того, чего не существует), а, во-вторых, что *X* положительно оценивает *P* (человек хочет того, что считает хорошим). В отличие от возможности, желание способно приписываться как субъекту ситуации (*X хочет P*), так и говорящему (*я хочу, чтобы P*). Особой проблемой является вопрос о том, присутствует ли элемент *хотеть* в семантике предикатов возможности. Согласно одной из гипотез, смысл *X может P* представим через смыслы *хотеть* и *если*: *X может P* и *если X хочет P, X осуществляет P* [4: 212]. Однако, как отмечает В.А. Плунгян, далеко не все типы ирреальной возможности соответствуют такому толкованию: оно весьма проблематично не только по отношению к внешней возможности, но даже ко многим случаям внутренней возможности, которые никак не связаны с желаниями субъекта. Желание является распространенным, но отнюдь не единственным условием реализации *P*: *с его умом, он может быть президентом* не равно *если он захочет быть президентом, он им будет* [5].

Таким образом, более предпочтительной является такая точка зрения, согласно которой в сфере ирреальной модальности выделяется сфера возможности и сфера желания, обладающие значительной семантической самостоятельностью и не сводимые друг к другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.
3. Зализняк А.А. Предикаты пропозициональной установки в модальном кон тексте / А.А. Зализняк, Е.В. Падучева // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 92–115.
4. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 543 с.
5. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 383 с.
6. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова: Значение, коммуникативная перспектива, прагматика. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 400 с.